

Журнал «Наука и жизнь» пригласил писателей, критиков и издателей принять участие в обсуждении темы «**ЧТО МОГУТ ФАНТАСТЫ В XXI ВЕКЕ?**».

Вот вопросы, которые редакция предложила участникам заочной дискуссии.

1. Существует немало научно-фантастических произведений, в которых высказывались идеи, описывались открытия и изобретения, позднее ставшие реальностью («Гиперболоид инженера Гарина», «Вечный хлеб», «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля» и т. д.). Могут ли в наши дни фантастические рассказы подтолкнуть учёных к новым открытиям?

2. Может ли сейчас научно-фантастическое произведение претендовать на роль футурологического исследования и стоит ли ждать этого от автора? В чём состоит задача научно-фантастического произведения?

3. Какие проблемы современности и возможного будущего могут стать объектами внимания писателей-фантастов?

Антон Первушин — писатель, публицист, исследователь космонавтики. Автор более шестидесяти книг. Лауреат премий имени Александра Беляева (2002, 2004), имени Аркадия и Бориса Стругацких (2007), имени Ивана Ефремова (2009), «Звёздный мост» (2007), «Золотая цепь» (2008), «Бронзовый Икар» (2008), «Серебряная стрела» (2011), «РосКон» (2010, 2013, 2014), «Интерпресскон» (2009, 2015).

Если проследить историю фантастики, то обнаружится, что случаи, когда писатели подсказывали идеи учёным, можно пересчитать по пальцам одной руки: канонический пример — голография, появление которой якобы стимулировал рассказ Ивана Ефремова «Тень минувшего». Намного чаще всё происходит с точностью до наоборот: сначала учёные формулируют некую идею (гипотезу,

Продолжение обсуждения. Начало см. «Наука и жизнь» №№ 3—7, 2016 г.

теорию, проблему и т. п.), потом происходит её адаптация на уровне научно-популярной литературы, и лишь затем она транслируется фантастами в художественный текст. Поэтому «подсказок» от фантастов никто особенно и не ждёт. От них, по большому счёту, требуется лишь продемонстрировать социальные последствия совершения тех или иных открытий, внедрения тех или иных изобретений. Названные выше произведения вполне отвечали требованию, а кроме того, поднимали проблематику ответственности научных работников (извините, но инженера Гарина и доктора Сальватора я не могу назвать полноценными учёными, они — научные работники) за негативные результаты реализации прорывных идей.

Что касается современности, то сегодня фантасты явно отстают от передового края прогресса: слишком быстро развивается наука, а концептуальные технические решения вообще находятся за гранью осмысления подавляющим большинством литераторов. Ситуация напоминает то, что происходило в начале XX века: фантасты едва успевают отреагировать на какую-то новость из мира науки, мысленно проследить её последствия в будущем, как та подкидывает очередную сенсацию. Поэтому всё большее распространение, по крайней мере на Западе, набирает научно-фантастический очерк,

то есть литературное произведение, в котором автор оперирует футурологическими экстраполяциями и фантастическими допущениями, но сознательно не прибегает к арсеналу средств художественной прозы, ограничиваясь журналистикой.

В качестве примеров таких очерков из того, что недавно издавалось на русском языке, можно назвать «Эволюцию» Стивена Бакстера и «Как выжить на Марсе» Роберта Зубрина.

Способно ли современное научно-фантастическое произведение дать полноценный прогноз будущего? На мой взгляд, это в принципе невозможно. Ещё Станислав Лем в своей фундаментальной работе

В ФАНТАСТИКЕ НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

Антон ПЕРВУШИН.

«Фантастика и футурология» доказал, что наши представления о будущем скомбинированы из представлений о прошлом, а выйти за рамки старого знания малореально. Скажем, видеофоны фантасты описывали с конца XIX века, а в течение XX века предпринимались неоднократные попытки реализовать идею на аппаратном уровне, однако никто и представить себе не мог, что массовое распространение видеосвязь получит в виде программы для персонального компьютера, которая будет использоваться не только для индивидуального общения, но и для проведения конференций, для обучения, для наблюдения за миром. Или взять мобильные телефоны: их тоже можно найти в фантастических текстах, изданных и пятьдесят, и сто лет назад, но никто (подчёркиваю — никто!) из писателей не сумел предсказать, что мобильный телефон будет соединён в одном устройстве с компактным цифровым фотоаппаратом и видеокамерой, благодаря чему возникнет целая субкультура «селфи». Думаю, нет нужды рассказывать, как повлияла и продолжает влиять на цивилизацию персональная возможность заснять любое событие в любом месте земного шара, немедленно распространив фотоснимок или видеозапись по всему миру через интернет.

Посему фантасты и их читатели должны отдавать себе отчёт: скорее всего, научно-технические прогнозы и построенные на их основе футурологические концепции через какое-то время окажутся ошибочными, причём не только в деталях. Тем не менее мы можем требовать от фантастики решения вполне конкретной задачи — формирование общественного заказа. Взять упомянутые видеофоны и мобильники. На протяжении столетия фантасты объясняли нам, насколько здорово будет иметь переносное коммуникационное устройство, насколько это повысит уровень жизни, разнообразие контактов, личную безопасность и т. п. В конечном счёте, когда технология созрела, мы такое устройство получили, хотя и не в том виде, в каком ожидали, но разве это меняет суть дела? Заказ выполнен!

Другая понятная задача фантастики — показывать пределы допустимого. Научно-технический прогресс неизбежно теснит патриархальные уклады, нарушая при этом общепринятые морально-нравственные

нормы. Фантасты, благодаря принятому ими жанровому методу, имеют возможность «забежать вперёд прогресса» и рассмотреть возможные последствия нарушения этих норм в широком спектре — от утопии до антиутопии. Вероятнее всего, история пойдёт иным путём, чем предсказывают писатели, но кто предупреждён, тот вооружён: благодаря фантастике мы можем заранее определить пограничную линию, переступить которую ни в коем случае нельзя без разрушения человечности в человеке.

Для фантастики как литературы, осмысляющей действительность через призму воображения, не должно быть запретных идей, тематик, проблем. И сегодня перед ней раскрывается огромное поле для футурологических обобщений. Открытия в области квантовой механики, революционные изменения космологической картины, достижения генной инженерии, прорывные эксперименты в биотехнологиях и медицине, сенсационные дополнения к теории эволюции и многое-многое другое. Фактически всё идёт к тому, что очень скоро наука сумеет разобраться в механизмах возникновения и развития жизни, а возможно, и в природе разума. Чего нам в таком случае ждать? И что может дать фантастика?

Научная фантастика, прежде всего, должна сформулировать общественный заказ на технологические новшества, которые теоретически могут появиться в результате сделанных открытий. Например, понимание механизмов жизни даст инструменты для создания панацеи и технологии физического бессмертия. Мы ведь не хотим болеть, стареть и умирать? И ждём, когда наука наконец-то решит проблему? И, вероятно, когда-нибудь дождёмся. Но тут всплывает вопрос: а как изменится мир социума, если из него убрать болезни и смерть? Чем он станет — утопией или антиутопией? До какого предела можно развивать технологию физического бессмертия, сохраняя человечность? Не станет ли бессмертие препятствием на пути космической экспансии или оно, наоборот, стимулирует её? Гипотетических вариантов может быть превеликое множество, и только фантастика, как и век назад, способна рассмотреть их один за другим, почти не повторяясь.